

УДК 340.1
ББК 67.01

НОРМАТИВИЗМ И ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ В ИССЛЕДОВАНИИ «ЛОКАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ»: ПОРОКИ ТЕОРИЙ

Е.Ю. Калюжнов

Прослеживается влияние идей нормативизма и юридического позитивизма на учение о локальных нормативных правовых актах в отечественной юриспруденции. Обосновывается дефектность теории государственного санкционирования локального нормотворчества в современных политико-правовых и экономических условиях. Делается вывод о необходимости использования в процессе переосмысления исследуемого феномена достижений социологической школы права.

Ключевые слова: локальный нормативный правовой акт, локальное нормотворчество, источник права, санкционированное правотворчество, нормативизм, юридический позитивизм.

Гегемония нормативистско-позитивистского подхода к проблеме «локального нормотворчества» в современной российской юриспруденции очевидна: он вполне прочно обоснован в значимых работах по общей теории права [7, с. 293, 301–302; 14, с. 262–264], трудовому [5, с. 96–79; 24, с. 89–108] и корпоративному [1, с. 8–11; 11, с. 42–46] праву. Однако в сложившейся ситуации усматривается не совсем критичное заимствование наработок советской доктрины о локальном регулировании трудовых отношений [4, с. 29–34; 10, с. 159–165; 13, с. 9; 18, с. 38–43; 20, с. 93–97], которой, как представляется, присущ ряд неустраняемых принципиальных недостатков.

Нормативизм, теоретико-методологическая основа которого детально разработана Г. Кельзеном [26, S. 23, 206] и его последователями [21, с. 254–255; 25, р. 562–568; 27, S. 26–27], исходит из принципа унитарности правопорядка (а не множественности правопорядков), отождествляемого с государством и имеющего пирамидально-ступенчатую структуру, в которой высшая «основная норма» упорядоченно разворачивается от зако-

нов, постановлений, уставов союзов вплоть до актов суда, администрации и договоров. При этом полномочие по регламентации между ступенями передается с помощью механизма делегации с одновременными конкретизацией и индивидуализацией содержания вышестоящей нормы: таким образом, регламентирующий акт, с одной стороны, каждый раз является применением нормы более высокой ступени, а с другой – сам создает правила для областей ниже. В итоге в пределах данной теории субъективное право понимается как «полномочие на нормотворчество» (нем. «Normsetzungsbefugnis»), а сделка – как «фактический состав правотворчества» (нем. «Rechtssetzungstatbestand»).

Советская юриспруденция в основном восприняла идеи нормативизма, хотя и в идеологически измененном виде этатического позитивизма: в частности, определялось, что советское право – «огосударственная, опубликованная юридическая система в том смысле, что в ней проводится всеобъемлющий и безусловный приоритет государственной власти и государственной собственности над личностью и персонифицированным имуществом, исключается частное право, а предоставление прав отдельным лицам ставится в зависимость от усмотрения государственных органов, должностных лиц, чиновников» [3, с. 298].

Правотворческая монополия распространялась исключительно на государство, по поводу чего С.С. Алексеев отмечал, что в отличие от «эксплуататорских обществ» с их «множественностью источников права», «в социалистическом обществе нормативный юридический акт является единственным, по существу, способом возведения государственной воли в закон – актом правотворчества, юридическим источником права» [2, с. 206, 208]. В свою очередь, выражение государственной воли считалось неотъемлемой чертой нормативного правового акта: «отсюда его властность, официальность, авторитарность» [там же, с. 202]. Органичным следствием данных постулатов выступало то, что «самым общим образом юридическая норма может быть определена в качестве исходящего от государства и охраняемого им общеобязательного (общего) правила поведения... Главная особенность юридической нормы – ее государственно-властный характер» [там же, с. 31–32, 34]. Очевидно, что в таких условиях ни о какой признаваемой в рамках иных школ права (в частности – социологической) автономии как непроемкой от государства нормотворческой власти [28, р. 23–61] не могло быть и речи.

Вместе с тем самоочевидный факт того, что «предприятия, учреждения, организации» неизбежно создают некие внутренние нормативы, а также в определенных случаях могут принимать участие в правотворчестве, поднял острую проблему природы власти на «локальное нормотворчество» в рамках советской правовой системы. Реакция на «слабое место» в теории породила объяснение такого феномена с помощью несколько искусственной (но весьма удобной для целей правоприменения, в том числе контроля и надзора) техники «государственного санкционирования», в качестве примеров которого приводилось принятие совместных нормативных правовых актов, в частности постановлений ЦК КПСС, ВЦСПС и Совмина СССР [2, с. 234–236; 8, с. 11–18; 16, с. 571], либо предварительное или последующее государственное уполномочие профсоюзов на самостоятельное урегулирование отдельных вопросов. Между тем этим прекрасно иллюстрируется сущность подобных проявлений нормотворческой власти и «санкционирования»: рассматривать КПСС

как независимый от государства общественный институт, которому «санкцией» предоставляется полномочие создавать нормы, не представляется разумным, поскольку общепризнанно мнение о классическом для тоталитаризма включении (пусть и неформальном) в СССР политической организации в структуру государственного управления, о сращивании партийного и государственного аппаратов. Фактически аналогичная ситуация имела место и в других случаях санкционирования, которое В.М. Горшенев называл видом нормотворческой деятельности госорганов, а активность общественных организаций по созданию норм права – «участием профсоюзов и всех видов кооперации... в нормотворческой деятельности органов Советского государства» [8, с. 18]. С.С. Алексеев констатировал, что «даже в случаях государственного санкционирования того или иного правила (а не только прямого правотворчества) это правило исходит от государства... исходит в том смысле, что оно признано государством и, следовательно, выражает государственную волю, представляет государство, опирается на его мощь» [2, с. 32] (однако стоит признать, что при такой трактовке публичной природы «негосударственного» правотворчества и любой обычный договор между физическими лицами «исходит от государства», поскольку получает его признание и защиту). В.К. Самигуллин еще более категорично утверждал, что «в конечном счете все локальные нормы исходят от государства» [18, с. 39], что, естественно, касалось и локального нормотворчества советских юридических лиц, представленных главным образом государственными предприятиями (включая совхозы) и колхозами (в организационно-правовой форме сельскохозяйственных артелей).

Как представляется, в СССР все «негосударственные» организации *de facto* выступали составной частью системы публичного управления и именно поэтому могли рассматриваться в качестве нормотворческих органов. Иное обоснование нормотворческой власти таких субъектов в правовой системе, отрицающей существование частного права, абсолютизирующей в качестве признака нормы права ее государственно-властный характер и требующей обязательного происхождения

локального нормативного акта от государства и выражения его воли, чтобы быть признанным источником права, просто невозможно.

В современном праве (с принципами деления права на публичное и частное, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, свободы объединения и неприкосновенности частной собственности) экстраполяция на новую юридическую реальность советской теории крайне затруднительна, поскольку она уже не в состоянии органично встроиться в экономически обусловленную правовую систему и получить обоснование исходя из принципов ее построения. Таким образом, если юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, как субъекты частного права, обладают полномочием на нормотворчество в форме своих актов, то наличие подобной власти должно объясняться уже как-то алгоритмически иначе.

Вместе с тем в российской юриспруденции публичная нормотворческая монополия, предполагающая в том числе и действие норм независимо от воли и желания участников общественных отношений (что «автоматически» выводит любой «локальный нормативный правовой акт» из числа источников права, так как корпоративное и трудовое измерения предполагают абсолютную добровольность участия), продолжает отстаиваться [17, с. 87–90, 569–573]. Исключения из общей парадигмы эпизодически встречаются, однако являются отрывочными (в частности, С.П. Маврин, описывая «локальные нормативные акты» в трудовом праве, делает замечание, что «источником нормотворческих полномочий частного хозяйствующего работодателя выступает не государственная или муниципальная власть, а его экономическая власть, проистекающая из факта правомерного обладания всеми факторами производства, включая труд» [12, с. 61]), и подчас внутренне противоречивыми (так, Г.В. Хныкин, с одной стороны, поддерживает позицию, что нормативная власть работодателя обладает самостоятельностью по отношению к государству [22, с. 46], а с другой стороны, говорит о непосредственном и опосредованном выражении государственной воли в «локальных нормативных актах» и об их санкционированности [23, с. 43, 46]).

Принципиальные выводы для нормативистско-позитивистской парадигмы неутешительны:

1) *надежные «опорные точки» для обоснования нормотворчества частных субъектов отсутствуют.* К примеру, М.Н. Марченко, критикуя воззрения на индивидуальный договор как на источник права (который по критерию «непризнанности» здесь близок к локальному нормативному акту), пишет: «Исходя, например, из традиционного, сложившегося еще на рубеже XIX–XX веков в отечественной и зарубежной юридической науке, позитивистского представления о праве как о системе общеобязательных норм, установленных или санкционированных государством и обеспеченных государственным принуждением, весьма трудно “вписать” договорные нормы в разряд правовых норм... с позиции традиционного позитивного права нормы индивидуальных договоров, как и сами договоры, представляют собой не что иное, как акты применения правовых норм» [15, с. 372–373], поскольку «признание индивидуального договора правовым автоматически означало бы признание за его участниками – гражданами (физическими лицами) и юридическими лицами статуса законодателя-правотворца», что по логике теории недопустимо [15, с. 376]. Однако в случае принятия теми же самыми юридическими лицами регулирующих их «внутреннюю» деятельность решений (например о штатном расписании) отрицаемый статус становится вполне реальным и одобряемым;

2) *техника «государственного санкционирования» суррогатна.* По мнению М.Н. Марченко, основной особенностью «локального нормативного акта» является «приобретение юридического характера не иначе как с санкции государства в лице его соответствующего органа, принимающего “уполномочивающий” акт» [14, с. 263], чем, думается, новые смыслы в советскую категорию «государственное санкционирование» (предполагающую наделение субъекта полномочием на нормотворчество, реализуемым в том числе путем принятия актов с заранее не определенным содержанием) не привносятся. По сути, выкладка снова сводится к рассмотрению всего процесса создания правил локального действия в качестве вида государственного нормотворчества, осуществляемого путем фактического включения общественных организаций в систему государственного

управления, что, естественно, не может в настоящее время признаваться корректным. Апология же техники санкционирования является попыткой обойти не соответствующий теории факт через нее саму, и ее научность может быть в таком случае поставлена под сомнение;

3) *понятие «локальный нормативный правовой акт» внутренне противоречиво.* Классическая «нормативность предполагает (по крайней мере в доктрине советского и российского права) всеобщность» [19, с. 291–292], с чем никак не согласуется «локальность» (организационно-статусная ограниченность) соответствующих актов, трансформирующаяся в экстерриториальность корпоративных и трудовых правоотношений;

4) *нормативность «локального акта» нетипична.* В традиционном понимании соответствующее свойство подразумевает абстрактность содержания и адресацию поведенческого предписания неопределенному кругу субъектов [7, с. 225–231]. Однако первый критерий не позволяет отграничить локальный нормативный акт, к примеру, от распространенного в гражданском обороте организационного договора (об организации перевозок, товарищеского и др.), которому именно абстрактность формулировок обеспечивает длительность действия и неоднократность реализации в повторяющихся конкретных отношениях. Второй же признак вообще неприменим к корпоративным и трудовым отношениям, в которых все субъекты строго индивидуализированы, а из добровольности участия вытекает близкий к сделочному характер действующих в рамках юридического лица или при взаимодействии с индивидуальным предпринимателем «внутренних» правил, обладающих отдельными признаками условий договора [6, с. 43–67].

Тем не менее в некоторой части теория все же жизнеспособна – она вполне приспособляема для практических целей: создания актов, их реализации, публичного контроля и надзора. М.Н. Марченко справедливо резюмирует: «Что же касается попыток представления индивидуальных, в частности гражданско-правовых, договоров в виде источников права, а содержащихся в них норм – в образе правовых норм, которые, как очевидно, не могут быть успешно осуществлены в преде-

лах существующих юридических категорий и понятий и в рамках традиционного позитивистского представления о праве, то для их успешного осуществления требуется, по-видимому, иная методологическая основа и принципиально иное понимание того, что есть “право”, а вместе с ним “правовое” применительно к актам, нормам и пр., а что не является таковым» [15, с. 373]. Стоит признать, что данное утверждение полностью применимо и к ситуации с институтом «локальных нормативных правовых актов».

Как представляется, феномен «частного нормотворчества» настоятельно требует комплексного обновленного объяснения в рамках отечественной юриспруденции, но с позиции иных правовых традиций, прежде всего – социологической школы права (признающей за частными лицами право создавать нормы за счет расширения содержания классического понятия автономии до независимой от государства социальной власти [6, с. 43–67; 9, с. 55–72]), к положениям которой российские авторы (в особенности в работах по проблемам отдельных отраслей права), к сожалению, обычно специально не обращаются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алейник, С. А. Корпоративные нормы в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. А. Алейник. – М., 2007. – 25 с.
2. Алексеев, С. С. Общая теория права : курс в 2 т. Т. 2 / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – 360 с.
3. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М. : БЕК, 1995. – 320 с.
4. Архипов, С. И. Понятие и юридическая природа локальных норм права / С. И. Архипов // Правоведение. – 1987. – № 1. – С. 29–34.
5. Букреева, Е. Правовая природа и функции локальных источников трудового права в условиях рыночной экономики / Е. Букреева // Законодательство и экономика. – 2007. – № 1. – С. 69–79.
6. Вилкин, С. С. О нормативной теории решения органа юридического лица / С. С. Вилкин // Вестник гражданского права : науч. журн. № 2, т. 8. – М. : Изд. дом В. Ема, 2008. – С. 43–67.
7. Вопленко, Н. Н. Очерки общей теории права : монография / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 898 с.
8. Горшенев, В. М. Санкционирование как вид нормотворческой деятельности органов Советского

государства / В. М. Горшенев // Правоведение. – 1959. – № 1. – С. 11–18.

9. Гурвич, Г. Д. Философия и социология права : избр. соч. / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. – СПб. : Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та. Изд-во юрид. фак. С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. – 848 с.

10. Иванов, С. А. Советское трудовое право: вопросы теории / С. А. Иванов, Р. З. Лившиц, Ю. П. Орловский ; отв. ред. С. А. Иванов. – М. : Наука, 1978. – 368 с.

11. Кирилловых, А. А. Сущность и природа локального регулирования деятельности корпорации / А. А. Кирилловых // Законодательство и экономика. – 2008. – № 8. – С. 42–46.

12. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. М. Куренной, С. П. Маврин, Е. Б. Хохлов. – М. : Юрист, 2005. – 1261 с.

13. Кондратьев, Р. И. Локальные нормы трудового права и материальное стимулирование / Р. И. Кондратьев ; науч. ред. В. Г. Сокуренок. – Львов : Вища шк. Изд-во при Львов. ун-те, 1973. – 160 с.

14. Марченко, М. Н. Источники права : учеб. пособие / М. Н. Марченко. – М. : Велби : Проспект, 2008. – 760 с.

15. Марченко, М. Н. Правовой договор как источник права / М. Н. Марченко // Общая теория государства и права : акад. курс в 3 т. Т. 2. Право / отв. ред. М. Н. Марченко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2007. – 802 с.

16. Марченко, М. Н. Проблемы теории государства и права / М. Н. Марченко. – М. : Велби : Проспект, 2007. – 768 с.

17. Марченко, М. Н. Теория государства и права / М. Н. Марченко. – М. : Велби : Проспект, 2007. – 656 с.

18. Самигуллин, В. К. Локальные нормы и их виды / В. К. Самигуллин // Правоведение. – 1976. – № 2. – С. 38–43.

19. Тарасенко, Ю. А. Юридическое лицо: проблема производной личности / Ю. А. Тарасенко // Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В. А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – 993 с.

20. Тарасова, В. А. Предмет и понятие локальных норм права / В. А. Тарасова // Правоведение. – 1968. – № 4. – С. 93–97.

21. Туманов, В. А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве / В. А. Туманов. – М. : Наука, 1971. – 384 с.

22. Хныкин, Г. В. Нормативные акты организации: субъекты и пределы действия / Г. В. Хныкин // Законодательство. – 2005. – № 1. – С. 43–48.

23. Хныкин, Г. В. Понятие, признаки и классификация локальных нормативных актов, содержащих нормы трудового права / Г. В. Хныкин // Законодательство. – 2004. – № 11. – С. 42–47.

24. Шведов, А. Л. Система источников трудового права России: основные проблемы функционирования и тенденции развития / А. Л. Шведов // Российский ежегодник трудового права. Вып. 4 / под ред. Е. Б. Хохлова. – СПб. : Юрид. кн., 2008. – С. 89–108.

25. Jelić, Z. An observation of the theory of law of Hans Kelsen / Zoran Jelić // FACTA UNIVERSITATIS : sci. J. Series Law and Politics. – 2001. – Vol. 1, 15. – Niš : The University of Niš, Serbia, 2001. – P. 551–570.

26. Kelsen, H. Allgemeine Theorie der Normen / Hans Kelsen ; hrsg. v. Kurt Ringhofer u. Robert Walter. – Wien : MANZ, 1979. – XII, 362 S.

27. Meyer-Cording, U. Die Rechtsnormen / Ulrich Meyer-Cording. – Tübingen : Mohr, 1971. – XII, 164 S.

28. Talbot, L. E. Critical Company Law / L. E. Talbot. – L. ; N. Y. : Routledge-Cavendish, 2008. – VI, 393 p.

NORMATIVISM AND LEGAL POSITIVISM IN THE “INTERNAL STATUTORY ACTS” RESEARCHING: THE DEFECTS OF THE THEORIES

E. Yu. Kalyuzhnov

The article shows the normativism and legal positivism ideas influence upon the doctrine of internal statutory acts in Russian jurisprudence. Defectiveness of the interior rule-making obligatory state authorizing theory in the modern political, legal and economic conditions is substantiated. The author concludes that there is a need to use the achievements of the sociological school of law in the analyzing phenomenon reassessment process.

Key words: *internal statutory act, internal rule-making, source of law, authorized rule-making, normativism, legal positivism.*